

Коллизия культурных идентичностей в поликультурном обществе

Глобальные тренды нашего времени сопровождаются рядом вызовов для традиционных социумов. В частности, актуализируются проблемы сохранения социальной гармонии, общественного равновесия и спокойствия. Становится очевидным, что стабильность современных поликультурных государств зависит от межкультурной толерантности и транскультурного взаимодействия.

Человек выжил и занял самое высокое место в мире живого благодаря социальности, способности к совместным действиям. То есть в процессе эволюции сформировалась потребность в объединении с себе подобными. Поиск таковых происходит через идентификацию (выяснение сходства, тождественности). В ходе общественного развития структура идентичности усложнялась. Наряду с социальным статусом, местом в общественном разделении труда, в иерархии власти, в наше время на первый план стало выходить также участие в культуре (культурном производстве, культурном потреблении, культурном досуге). Именно интеграция вокруг общих ценностей, образа жизни, моральных принципов, вкусов, предпочтений, увлечений и т.п. становится отправной точкой идентификационных процессов, на почве которых образуются новые современные общности, или же новейшая “культурная племенность” — неотрайбализм.

Этой проблематике принадлежит заметное место в нынешней социологической аналитике. Отсюда актуализируется анализ новейших концептуализаций по актуальным проблемам культурных идентификаций в глобализованном, многокультурном мире и их роли в жизни современной Украины. Рассмотрим трактовки эволюции культурной идентичности, ее составляющих и факторов формирования, значение разрешения социокультурных конфликтов для успешного развития украинского общества.

Множественность культурных идентичностей

Прежде всего нужно исходить из того, что стабильное развитие страны в современных условиях будет зависеть от транскультурного сотрудничества членов социума, межкультурной толерантности и взаимопонимания. Уязвимость коллективных идентичностей в процессе трансформативных изменений и сопутствующих им кризисов, конфликтов, “культурных травм” и, как следствие, социокультурных разломов социума, агрессивное невосприятие иного мышления, иррациональные неприятие и возмущение — вот что становится печальной реальностью нашего времени. Когда возникают разрывы в устоях культурной идентификации — на основании языка, толкования истории, мифологии, традиций, религиозных догматов, досуговых практик и т.п., трудно достичь согласия, а значит, и успеха в реализации общественных задач. Ценностно-культурные разломы социума ставят под угрозу мировоззренческие регуляторы человеческих отношений, социальную гармонию и общественное равновесие, что является условием стабильного развития. Ведь последние играют важную нормативную, интегративную роль в жизни общества.

В то же время нужно различать (социо-)культурную и (нацио-)гражданскую идентичности. Как правильно подчеркивает исследовательница этнополитических процессов Л.Нагорная: “... им обоим принадлежит почетная роль аккумуляторов духовных смыслов — межгруппового и межпоколенческого трансляторов культурных ценностей, инструментов формирования устойчивых опор в сфере сознания” [Нагорна, 2017: с. 12]. Однако проявляются они по-разному. Если этническая идентичность нередко политизируется, используется для националистически-идеологической мобилизации, обособления и противопоставления другим, то современный тренд культурной идентификации находится под мощным глобализирующим (унифицирующим) влиянием и тяготеет к космополитизму. Вместе с тем национально-гражданская идентификация направлена на интеграцию, объединение вокруг национальных интересов, а культурная идентификация провоцирует отмежевание, спецификацию, сосуществование разных, в действительности “далеко не мирных” идентификационных практик. Следовательно, налицо одновременное существование разнонаправленных глобализированных, транскультурных и глокализированных, специфических идентичностей.

Нередко наблюдаются коллизии при столкновении разных процессов идентификаций. Иллюстрацией может послужить скандал вокруг отбора на конкурс Евровидения-2019. Украинские властные структуры хотели бы видеть представителей от нашей страны на песенных соревнованиях с выраженной гражданской идентичностью, которые представляют именно национальные черты и “патриотический бекграунд”, тогда как массовая аудитория предпочитает выразителей глобального, модного тренда в популярной музыке. Расхождения в подходе и критериях оценки привели к досадному результату — отказу от участия в конкурсе.

Социокультурные идентичности уходят корнями, согласно К.Гирцу, “во врожденный образ жизни” и “дух нашей эпохи”, что проявляется в устоявшихся институтах и совместном опыте, специфицированных обычаях и ритуалах, а также в очерченных смыслах и толкованиях исторического пути определенных общностей, народов, стран [Ручка, 2006: с. 8]. В современном постмодерном, глобализированном мире существует сложная смесь этно-

культурного разнообразия, и время от времени возникают коллизии групповых идентичностей. Как подчеркивает А.Ручка: “Зачастую этнические и культурные расхождения приводят к конфликту между разными этническими и религиозными сообществами. Хранители местных традиций и обычаев выступают против влияния современных глобализационных тенденций” [там же: с. 9]. Можно также добавить, что региональные (глокализованные) сообщества демонстрируют отличие доминирующих культурных типов и влияние особых региональных “культурных кодов”, формирующих ценностные ориентации определенных ареалов населения. Именно это характерно для современной Украины. Как пришел к выводу исследователь этих процессов Н.Рябчук, война на востоке Украины “заострила и сделала наглядными те глубокие цивилизационные, идентичностные и ценностные деления, которые в Украине всегда существовали...” [Рябчук, 2017: с. 126]. Отсюда вытекает актуализация проблем учета этих разделений — ради сохранения социального согласия, общественного равновесия и гармонии на фоне ценностно-культурных разломов и противоречий.

Можно выделить некоторые тенденции, которые определяют роль и толкование процессов социокультурной идентификации в наше время.

Во-первых, речь идет об изменении значения феномена идентичности, ее места в общественном бытии. Так, З.Бауман в своей концепции “индивидуализированного общества” акцентирует то, что в современной общественной жизни индивидуальное оттесняет социальное на второй план, и частные интересы превагируют над общественным благом. Он обозначил это как существенную характеристику постмодерного этапа человеческого развития [Бауман, 1992]. Отсюда следует, что интегративные задачи идентификационного эффекта становятся уже не такими жизненно необходимыми, как прежде. Индивид в наше время более свободен, независим от состояния социума. Потребность в прочных социальных связях не столь очевидна в нынешних условиях комфорта и обеспеченности. В свою очередь, известный теоретик глобализации У.Бек обратил внимание на то, что космополитический мультикультурализм предполагает и усиливает индивидуализацию. Современный индивид на своем жизненном пути является одновременно членом различных группировок, проживает в разных национальных и территориальных сообществах, а “мировое общество осуществляется в микрокосме пространства собственного опыта”. Поэтому “разные идентичности в разнородности своих притязаний не детерминируют индивида, а через конфликты несут ему освобождение”. Он просто вынужден учиться “наведению мостов” [Бек, 2011: с. 350]. То есть постмодерная космополитическая идентичность базируется, прежде всего, на признании инаковости других культур.

Еще на одну особенность нынешней идентификационной ситуации обратил внимание ее аналитик Ф.Фурери: на смену доминированию идеи гуманитарного универсализма эпохи Просвещения пришла эпоха партикуляризма. Со времен позднего модерна акцент переместился на особенности и отличия, а не общее, объединяющее. К тому же утратило актуальность обращение к абстрактному Человеку — существует американец, русский или индус, выделяются группы внутри национальных социумов и т.п. Все явственнее проступает культурная гетерогенность человечества [Fureri, 2017]. Этот процесс культурной дифференциации происходит в плоскости национальных культур, что, в свою очередь, обуславливает усложнение картины идентификаций и активизацию политики идентичностей.

Во-вторых, на концептуализацию феномена идентификации заметное влияние оказали постмодернистские взгляды и подходы. Очевидно, что на толкование проблем идентичности современного человека повлияло постмодернистское видение трансформации социума. Если на этапе становления модерна все, что касалось идентичности, связывали прежде всего с созданием и защитой идентичной целостности личности, то в условиях постмодерна налицо скорее противоположное: во времена модерна ригидность в отношении внешних влияний и изменений нередко помогает в социальном выживании, теперь же неизменная идентичность чаще ему вредит. Идентичность индивида, по мнению Э.Гидденса, все в большей мере предстает сегодня не как определенная и окончательно сформированная, а как “незавершенный проект” в процессе его становления и развития. В контексте быстро меняющегося социума и увеличения продолжительности жизни человек физически, ментально и социально пребывает в условиях необходимости обновления ради самосохранения, и это не катастрофа, а закономерный процесс, отвечающий новой философии времени и самой жизни.

В духе постмодернистского мышления, согласно аргументам сторонников данного подхода, появляется новая космополитическая идентичность — человечество. Национально-культурная идентичность выводилась из разделения на “своих и чужих”, “друзей и врагов”. Таким образом человечество и в эпоху постмодерна создает своих внутренних и внешних оппонентов: “нелюди-террористы” — внутри, угрожающие “инопланетяне” — снаружи. Формируются новые “архетипы постмодерна”: новейшая “племенность”, модные течения в искусстве и досуге, экстравагантные секты, культы и хаотические фрагменты религий — все это постепенно создает особое настроение, в котором нет места ни строгости догматов премодерна, ни последовательному атеизму модерна. Нобелевский лауреат британский физик Стивен Хокинг пронизательно замечал по этому поводу, что только планетарный враг может заставить человечество объединиться и перестать враждовать, а странам отказаться использовать ресурсы только на национальном уровне, пренебрегая тем, что это достояние всего планетарного человечества, а не отдельных сообществ. То есть без глобального мышления как ответа на планетарную угрозу извне человечество и дальше будет жить в категориях “свой — чужой” [Hawking, 2011: p. 202].

Человек в “ситуации постмодерна” произвольно использует абсолютно не сочетающиеся друг с другом мировоззрения, дискурсы, сегменты языков. Однако в социальном измерении постмодерна не существует не только ограничений, отсутствуют в нем и ориентиры. Каждый волен верить во что угодно, считать себя и других кем угодно, декларировать что угодно. Индивидуализм в постмодерне достигает своей социальной границы, освобождая людей не только от общества, но и от любых форм коллективной идентичности. Например, нынешний индивид проводит много времени в виртуальных мирах сети интернета, постепенно перемещая туда и работу, и досуг. Наблюдается явление “игровой идентичности”, возможности выбирать себе временные маски, ники, роли, стили жизни. То есть возникает множественность, многосложность культурных идентичностей в постмодернистском пространстве.

Согласно аргументам постмодернистов, современный социум переступил новый порог динамической сложности, основанной на упорядоченном хаосе, и результатом этого стали разрывы социума, находящегося в разных

темпоизмерениях. Эти разрывы приводят к нарушению целостности развития социума. Социальные системы все больше теряют стабильность и отклоняются от равновесия. Адаптируются к нелинейной динамике лишь те системы и акторы, которые проявили большую рефлексивность по сравнению с этапом модерна. Нелинейная динамика требует иных культурных кодов и симулякров реальности, входящих в общественное сознание. Становится очевидным, что формируется плюралистическое общественное сознание с уникальными групповыми и индивидуальными пластами, с разрывами и парадоксами, отличающимися от прежнего общественного сознания, представлявшего собой целостную систему. Вследствие глобализационных тенденций в современном мире появились новые межгосударственные структуры, особенностью которых является относительно высокий уровень стабильности, а требования к странам, желающим к ним приобщиться, весьма суровы. От таких сообществ требуют “нового” космополитического сознания, что предполагает полный отказ от прежних идентичностей, поскольку в глобализованном мире старые категории не действительны. Вместе с тем ныне сформировался запрос на возврат к локальной идентичности и отстаивание социокультурных отличий национальных сообществ внутри “глобальной деревни”. Такие амбивалентные тренды и оказываются непосредственной движущей силой становления нового мирового порядка.

Следовательно, постмодернистский ракурс видения современной общественной действительности — посредством абсолютизации субъективизма и фрагментирования социальной реальности — предлагает новые формы идентичности на личностном, групповом и социальном уровнях. Если идентичность этапа модерна пытается остановить время при помощи “маркеров идентификации”, идентичность этапа постмодерна, наоборот, пытается демаркировать субъективные восприятия. Ведущим сюжетом в описаниях такого человека является сегментарная, противоречивая идентичность индивида. Ранее считалось нормой, что человек переживает чувство непрерывной самоидентичности с целостным образом своего “Я”, в его нераздельном единстве с окружением, со всеми социальными связями. Теперь же идентичность понимают как чувство прерывной самоидентичности, в каждый момент иной и к тому же внутренне дискретной, в которой сосуществуют “Я” и “Другой”. Появление и закрепление в идентичности человека определенного “Другого” является проявлением многосегментности личности и амбивалентности ее духовного мира. Иногда применительно к такой личности используют термин “фрагментированный субъект”, поскольку у него нет фиксированных, стабильных и неизменных характеристик.

Прежде всего постмодернисты настаивают на безболезненном переживании человеком своей современности и достаточно легком приспособлении к ней. Для современного (или постсовременного) человека, по их мнению, характерны большая обеспокоенность качеством жизни, стремление достичь успеха в социальном плане, но более всего — потребность в защите ценностей индивидуальной, частной жизни, права на автономность, невмешательства общества в дела отдельного человека. Человеку наших дней присуща нетерпимость к любым проявлениям унижения достоинства личности, ограничениям свободы выбора. Сторонники постмодернистского видения обращаются не только к научному анализу того, что было создано и изобретено человечеством, в частности объяснению новых технологиче-

ских процессов; нередко они прибегают и к рассмотрению потребностей возврата в “магический мир” прошлого. О чем свидетельствует распространение практик колдовства, различных предрассудков и мистических представлений в общественной жизни после эпохи Просвещения. Еще одним важным фактором современной эпохи является универсальное распространение однородных культурных образцов и создание единой глобальной системы экономики, образцов социальной организации, что происходит за счет обесценивания традиций и особенностей общественной жизни прошлого.

Охарактеризовав некоторые существенные черты постмодернистского видения, позволяющие отличать его от парадигмы модерна в социологии, попробую дать общую характеристику такого толкования процессов социокультурной идентификации. Прежде всего постмодернистский подход сосредоточен на социокультурных аспектах существования социума: образе жизни, ценностных ориентациях, мировых досугах, вкусах, моделях человеческих взаимоотношений и т.п. — по контрасту с доминированием экономического детерминизма, сциентизма, рационализма и прагматизма времен модерна. Постмодернизм предстает и как методологическая альтернатива позитивистского модернизма, и как идеологическая позиция, базирующаяся на плюрализме оценок и выводов. Отсюда процессы социальной идентификации отличаются многоскладностью, текучестью и фрагментарностью. Так, в традиционном обществе отвечая на вопрос “кто/что ты есть?”, скорее всего, человек назвал бы свою принадлежность к местности, этнической общности, вероисповеданию. В современном обществе ответ на этот вопрос содержал бы указание на положение в общественной иерархии, профессию, доходы и т.п. В постмодерном социуме этим бы уже не ограничились и добавили какие-то характеристики образа жизни, вкусов, предпочтений, сексуальных ориентаций и т.п., которые ощутимо увеличили бы сегментацию конкретного общества. Например, как указал один исследователь: гражданин Франции, чернокожий, футбольный фан, гей, без определенной специальности, активист движения “желтых жилетов” или же немец турецкого происхождения, мусульманин, консерватор, рабочий концерна “Фольксваген”, защитник окружающей среды, многодетный отец ... Кто они по основной характеристике? Они сами будут выбирать свою основную идентичность. Следовательно, в обстоятельствах постмодерна, по мнению его аналитиков, человек имеет возможность в своей многосложной идентичности выбирать какие-то черты, которые он будет выделять в качестве главных для себя, а со временем их менять. Нет ничего вечного и определяющего. Даже пол можно изменить или быть транссексуалом. Таково постмодернистское видение социокультурной идентификации в современных условиях.

Представляется возможным выделить три направления изменений в свете такого видения — от фокусирования внимания на изучении сформировавшихся и стабильно функционирующих социальных систем до текущих полей социальных сил; от описания этапов эволюционного развития к рассмотрению индетерминированного социального становления, “открытого будущего”, неопределенного и непредсказуемого; от сосредоточенности на объяснении действий социальных субъектов и процессов, функций, ролей, структурной обусловленности и т.п. к перенесению акцента на актора как интерпретатора, который наделяет смыслом, делает выбор, производит символы, верования..., то есть от “гомо социологикус” к “гомо коги-

танс”. Такое парадигмальное изменение нетрудно увидеть в последних произведениях наиболее заметных современных теоретиков — Э.Гидденса, П.Бурдьё, Ю.Хабермаса, С.Леша, З.Баумана и многих других.

Известный американский теоретик Ф.Фукуяма в статье “Идентичность: запрос на достоинство и политика ресентимента” (2018) провозгласил, что политика идентичности стала главной для нашего времени концепцией, призванной объяснять многое из того, что происходит в глобальных делах [Fukuyama, 2019]. Согласно его аргументам, политика уже не является отражением противоречий и конфликтов в области материальных интересов, как это преимущественно было раньше, чувства и действия людей определяются по-иному, а именно — мотивируются чувством достоинства или же унижения, второсортности и т.п., связанным с национальной, половой, расовой или конфессиональной принадлежностью. Прокатывающиеся по миру “культурные войны” вызваны именно такими ощущениями, которые уже не являются второстепенными факторами на фоне идеологических и классовых противостояний. Как известно, глобализация порождает не только унификацию, гомогенизацию образа жизни, вкусов, потребления и т.п., но и глокализацию, актуализацию воспроизводства особых, специфических моделей поведения и стилей жизни, локализованных по месту проживания, специфических интересов, предпочтений, нестандартных ценностных ориентаций, то есть тенденцию к большему многообразию и разнородности обществ, что требует внимания к требованиям малозаметных ранее групп людей.

Демократические общества сегментируются на сообщества с узкой идентичностью или своего рода “племена”, а это может угрожать расколами и конфликтами. В XXI веке получила распространение политика мультикультурализма, нацеленная на защиту культурных интересов “иных” социальных групп, отличных от доминирующих культурных стандартов. Общество рассматривалось как целостность, разделенная на небольшие сообщества с разным мировоззрением, опытом, привычками и предпочтениями. Политика признания “инаковости”, толерантности и взаимоуважения должна была служить общественной интеграции. Однако возникали многочисленные проблемы и напряженности, когда этнические, религиозные, расовые сообщества мигрантов не разделяли ценностей, норм и правил поведения местного большинства, желали жить по своим обычаям и нормам, хотя пользовались благами и стандартами именно общества коренного населения. Более того — внутри развитых обществ начали образовываться группы, претендовавшие на особое к ним отношение и права. Часть из таких разделений выглядят обоснованными: например, в случае существования “племен” глухонемых и других групп с особыми потребностями. Часть — спорные: например, в случае сформировавшегося в США движения “я тоже” (me too). Речь идет о движении по обнародованию некоторыми активистками феминистского движения фактов совершенных в прошлом сексуальных домогательств (известный скандал с членом Верховного Суда США по поводу обвинения его в якобы подобных действиях в студенческие годы). Кроме этого “племя феминисток” вообще требует не только равенства с мужчинами, что в наше время является нормой в цивилизованных странах, но и уважения (особого отношения) к женскому отличию.

Следует согласиться, что суть идентичности — это прежде всего набор убеждений и образа жизни, а не этническая или половая принадлежность. Согласно аргументам Ф.Фукуямы, лучше использовать понятие “кредо-

идентичность” (creedal identity); отсюда, в частности, выводится “кредовая национальная американская идентичность”, построенная не на расовой, религиозной или этнической принадлежности, а на определенных убеждениях и ценностях. Соответственно, политика идентичности должна опираться на стратегии инкультурации, привития и усвоения признанных ценностей, провозглашаемых в качестве основополагающих.

Интересна в этом плане также упоминавшаяся выше концепция неотрайбализма (новой племенности) французского постмодернистского социолога Мишеля Маффесоли. Он обращает внимание на образование новых форм сообществ, которые определяются “латентно централизованной социальностью”, цементируются “внутренней силой”, которая “предшествует власти и является основанием для ее выражения в различных формах” [Маффесоли, 2018: с. 19]. Эта активно присутствующая в современном неотрайбализме сила принципиально иррациональна, она отошла от “принципа логоса”, утилитарных мотивов, доминировавших во времена модерна и вернулась к “принципу эроса”, первозначимости чувственного, эмоционального. М.Маффесоли подчеркивает, что современный “трайбализм представляет собой явление прежде всего культурное, а уже потом — политическое, экономическое или социальное”, члены нынешних племен предпочитают скорее “пребывать в совместном удовлетворении”, “в состоянии радости от мира”, чем внедрять какие-то экономические, политические или социальные проекты [Маффесоли, 2018: с. 20]. С этим феноменом социолог связывает стремление к погружению в коллективное бессознательное, массовые фантазии, разнообразные эксперименты в сфере досуга, которые указывают на архетипические проявления в нашей жизни неизменной человеческой природы. Присутствие витализма можно обнаружить в современной молодежной музыке, стиле в одежде, сексуальных отклонениях, в наблюдаемых общественных истериях, в стремлении украсить свое тело, “придать жизни оттенок дикарства” и т.п. Маффесоли делает вывод, что этот парадоксальный феномен постмодерности состоит в акцентировании всего, что касается корней, истоков, примитивного и варварского, а значит, трайбализм является выражением попыток возврата к своим корням.

У многих сторонников постмодернистского ракурса видения нынешних социокультурных процессов фиксируется потребность смены идеала эпохи модерна — зрелой, сильной, умной, активной личности — на образ “вечного ребенка”, который своим образом жизни, вкусами, демонстрацией своего тела доказывает преданность тому, что его формирует. Жизнерадостность варварского существования, совместное переживание чувств и эмоций, значимость досуга, вульгарные развлечения — все, что было в свое время изъято из нашего рационального общества, находит себе место в современном неотрайбализме. Именно в нем подчеркивается важность эмпатийной социальности: на смену обмену товарами как фундаментальной основе сосуществования людей приходит обмен чувствами, играющими роль связующей силы. Кроме того, современный трайбализм обращает внимание на важность ощущения принадлежности к определенному месту и сообществу, что является основой всей общественной жизни [Маффесоли, 2018: с. 24]. То есть это вновь возвращает нас к проблемам идентичности, новым факторам, которые ее формируют.

Среди главных формирующих факторов социокультурной идентичности в наше время можно выделить следующие:

- *Способы традиционной социализации, воспитания, взаимовлияния в местных сообществах.* Так или иначе личность формируется в определенной культурной среде, предопределяющей ее изначальные взгляды, вкусы, привычки... Со времен Ф.Тенниса, хотя мы перешли от “общности” к “обществу” с известными различиями социализации, влияние традиционного окружения никуда не исчезло, но оно может заметно разниться в разных местах.
- *Культурные коды, региональные традиции, топонимика, “герои” и фигуры из массовой культуры, выбираемые для подражания.* Различный исторический опыт и, соответственно, различная историческая память, которая материализуется, в частности, в названиях населенных пунктов и улиц, не могут не сказываться на способах мышления, оценках и действиях жителей разных местностей, культурно-цивилизационное отличие проявляется сквозь века в ориентациях, склонностях, вкусах и т.п.
- *Влияние внешних факторов, СМИ, продуктов массовой культуры.* Пропаганда через средства массовой коммуникации, массовые художественные продукты зарубежного происхождения беспрепятственно пересекают границы в условиях открытого глобального информационного пространства, происходит целенаправленное и латентное привитие взглядов и образа жизни.

Все это нужно учитывать для преодоления межкультурных напряженностей и противоречий в нынешних украинских реалиях.

Единство в разнообразии

Культурное разнообразие, региональная самобытность, ментальное и стилезиженное несходство не должны становиться факторами, подрывающими общественную сплоченность. Наоборот — объединение вокруг решения общих проблем, интеграция перед настоятельными вызовами должны быть исходным пунктом в отношении к разнородности культурных идентичностей. В Украине, в частности, залогом социокультурного единства должны быть ценности, сформировавшиеся в ходе исторического пути нашего многонационального народа. Именно ценностно-смысловая почва идентификационных процессов является ключевой в раскрытии их роли в наше время.

В последние десятилетия усиливается значимость именно культурных факторов в русле общественной жизни. Так и в формировании идентичности современного человека, в ее интегрированном виде, наряду с национальной, гражданской, социально-статусной составляющими, культурная идентичность играет все большую роль в создании и функционировании человеческих общностей. В условиях глобализации, формирования поликультурных социумов, транскультурных влияний и межкультурных напряженностей идентификационные интеграторы требуют изучения и новой концептуализации.

Источники

- Бек, У.(2011). Влада і контрвлада у добу глобалізації. Київ: Ніка-Центр.
- Маффесолі, М.(2018). Час племен. Занепад індивідуалізму у постмодерному суспільстві. Київ: ВД “Києво-Могилянська академія”.

Нагорна, Л. (2017). Теоретико-методологічні засади дослідження етнополітичних аспектів соціокультурних трансформацій в Україні. В: *Етнополітичний контекст соціокультурних трансформацій у сучасній Україні* (с. 10-49). Київ: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України.

Ручка, А. (2006). Соціокультурні ідентичності в контексті глобалізаційних перетворень. В: *Культура – суспільство – особистість* (с. 9). Київ: ІС НАН України.

Рябчук, М. (2017). Випробування війною: старі поділи і нові зв'язки у сьогодишньому українському суспільстві. В: *Етнополітичний контекст соціокультурних трансформацій у сучасній Україні* (с.119-138). Київ: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України.

Танчер, В., Скокова, Л. (2010). Смыслоцентрированный подход культуральной социологии. В: *Социологические исследования культуры: концепции та практики* (с. 35–60). Київ: Інститут культурології НАМУ.

Участь у культурі: люди, спільноти, стани / За ред. Н. Костенко (2018). Київ: ІС НАН України.

Bauman, Z. (1992). *Intimacy of Postmodernity*. London, New York.

Fukuyama, F. (2019). Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment. *The New York Times*, 11.09.2019.

Fureri, F. (2017). *The Hidden History of Identity politics*. Retrieved from: Spiked-online.com, 01.12.2017.

Hawking, S. (2011). *A Brief History of Time*. New York: Bantam Books.

Получено 10.08.2019

References

Bauman, Z. (1992). *Intimacy of Postmodernity*. London, New York.

Beck, U. (2002). *Macht und Gegenmacht im globalen Zeitalter*. S.l.: Suhrkamp Verlag.

Cultural participation: people, community, state / Ed by N. Kostenko (2018). [In Ukrainian]. Kyiv: Institute of Sociology. [= *Участь* 2018]

Fukuyama, F. (2019). Identity: The Demand for Dignity and Politics of Resentment. *The New York Times*, 11.09.2019.

Fureri, F. (2017). *The Hidden History of Identity politics*. Retrieved from: Spiked-online.com, 01.12.2017.

Hawking, S. (2011). *A Brief History of Time*. New York: Bantam Books.

Maffesoli, M. (2000). *Le temps des tribus*. Paris.

Riabchuk, M. (2017). The Trial of War: old divisions and new bonds in contemporary Ukrainian society. [In Ukrainian] In: *Ethno-political context of sociocultural transformation in contemporary Ukraine*. Kyiv: Kuras Institute of Political and Ethnic Studies, NAS of Ukraine. [= *Рябчук* 2017]

Ruchka, A. (2006). Sociocultural identities in context of global transformations. [In Ukrainian] In: *Culture – society – personality* (p. 9). Kyiv. [= *Ручка* 2006]

Tancher, V., Skokova, L. (2010). Meaning centered approach of cultural sociology. [In Ukrainian] In: *Sociological researches of culture* (pp. 35–60). Kyiv: Institute of cultural science, NAAU. [= *Танчер, Скокова* 2010]

Received 10.08.2019

ВИКТОР ТАНЧЕР

Колізія культурних ідентичностей у полікультурному суспільстві

У статті подано розгляд соціологічної концептуалізації феномену ідентифікації в сучасному соціокультурному світі. За умов змін культурних порядків у нашій країні, їхніх су-

перечливіх взаємин, “культурних воєн” у глобалізованому світі ідентифікаційні процеси привертаять дедалі більшу увагу дослідників. Соціологи вказують, що успішність соціальних перетворень співвідноситься зі змінами культурних практик, із визначеннями культурної ідентичності індивідів, яка спрямовує людську діяльність і забезпечує соціокультурне підґрунтя спільного життя. Набуває актуальності “культурне громадянство”, культурна ідентифікація в контексті формування глобальної культури нашого часу. В цьому світлі аналізуються постмодерністські витлумачення культурних ідентичностей, наголос зроблено на мозаїчності, багатоскладовості та неминучості розмаїття культурних ідентичностей у “ситуації постмодерну”. Висвітлюються “політика ідентичності” в інтерпретації Ф. Фурері та Ф. Фукуяма, аргументація виникнення “нової племінності” (неотрайбалізму) в концепції М. Мафесолі, що спирається на специфікацію культурної ідентичності. Наведені погляди та оцінки ідентифікаційних процесів, досліджуваних у сучасних соціумах, дають підстави для узагальнення щодо місця та значення культурної ідентифікації в розвитку сучасної України та підводять до висновку, що стабільний поступ полікультурних держав залежить від міжкультурного взаєморозуміння.

Ключові слова: культурна ідентичність, ідентифікація, глобалізація, полікультурні соціуми, культурні коди, гібридизація культур, неотрайбалізм

ВИКТОР ТАНЧЕР

Коллизия культурных идентичностей в поликультурном обществе

В статье рассматривается социологическая концептуализация феномена идентификации в современном социокультурном мире. В условиях изменения культурных порядков в нашей стране, “культурных войн” в глобализованном мире внимание исследователей все больше привлекают идентификационные процессы. Социологи указывают, что успешность социальных преобразований соотносится с участием в культуре, с определением культурной идентичности индивидов, направляющей человеческую деятельность и обеспечивающей социокультурное цементирование совместной жизни. В свете этого анализируются постмодернистские истолкования культурных идентичностей, в которых подчеркиваются мозаичность, многоукладность и неизбежность разнообразия культурных идентичностей в “ситуации постмодерна”. Рассматриваются “политики идентичности” в интерпретации Ф. Фурері и Ф. Фукуяма, аргументация возникновения “новой племянности” (неотрайбализма) в концепции М. Маффесоли, основывающейся на спецификации культурной идентичности. Приведенные взгляды и оценки идентификационных процессов, исследуемых в современных социумах, позволяют сделать обобщение относительно места и значимости культурной идентификации в развитии современной Украины и подводят к выводу, что стабильное развитие поликультурных стран зависит от межкультурного сотрудничества.

Ключевые слова: культурная идентичность, идентификация, глобализация, поликультурные социумы, культурные коды, образ жизни, неотрайбализм

VIKTOR TANCHER

Collision of Cultural Identity in Multicultural Society

Sociological conceptualization of identification phenomenon in frame of modern multicultural world is proposed to be analyzed in this article. Contemporary researchers pay more and more attention to the identification processes, facing the stage of cultural patterns change in our country, as well as the global “cultural war” in a globalized world. Sociologists argues that the success in social transformations correlates with the level of inclusion in cultural life, as well as individual cul-

tural identity definitions, guiding human activity and providing socio-cultural “cementing” of common life. Problems of cultural citizenship and cultural identification are being actualized in the context of contemporary global culture formation. In this light, postmodern interpretations of cultural identities are being analyzed, with emphasis on mosaics, ambiguity and inevitable state of diversity of cultural identities in “postmodern situation”. This phenomenon is analyzed from the viewpoint of U.Beck, as well as F.Fureri and F. Fukuyama’s “identity policy” interpretation. The arguments in favor of emergence of “new tribalism” (neotribalism) are presented, based on a specific cultural identity concept of M. Maffesoli. These concepts and analysis of identification processes, being investigated in contemporary Ukrainian society, allow to make a general conclusion regarding the importance of cultural reciprocal cooperation.

Key words: *cultural identity, identification, globalization, multicultural societies, values, neotribalism, lifestyle*